УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-29-43

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ КИБЕРБУЛЛИНГА В ПОПУЛЯРНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Мишина М. М.¹, Воробьева К. А.²

¹ *Московский государственный областной университет*

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² *Российский государственный гуманитарный университет*

125993, г. Москва, ул. Чаянова, д. 15, Российская Федерация

Аннотация

Исследование посвящено малоизученному интернет-феномену – кибербуллингу в социальных сетях. Кибербуллинг – новая область знаний и науки, поэтому наблюдается отсутствие научной терминологической базы.

Цель. Анализ личностных особенностей участников кибербуллинга, активно включённых в популярные социальные сети.

Процедура и методы. Исследование проводилось в онлайн-формате. Респонденты проходили анкетирование и психодиагностическое обследование в соответствии с поставленными задачами. В эмпирическом исследовании были использованы методы: анкетирования и тестирования.

Результаты. Анализ особенностей трансформации ролевой структуры кибербуллинга в сети в сравнении с буллингом в реальной жизни у пользователей популярных социальных сетей позволил выявить личностные характеристики и поведенческие стратегии его участников. Особенное внимание заслуживают «свидетели» кибернасилия: чем больше респондент является «свидетелем», тем больше вероятность у него стать «инициатором» кибербуллинга (умеренная положительная корреляция между шкалами «свидетель» и «инициатор»). С одной стороны, прошлый опыт в роли агрессора в онлайн-контексте может быть тем фактором, который усиливает негативное поведение свидетелей, с другой стороны, постоянное наблюдение за травлей в онлайн-сети может привести к потере чувствительности в отношении чувств других людей, а также к закреплению деструктивных форм поведения за счёт осознания безнаказанности и анонимности в онлайн-среде.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты анализа ролевых профилей могут быть использованы для своевременной диагностики групп риска и усовершенствования работы специализированных сайтов для профилактики кибербуллинга.

Ключевые слова: кибербуллинг, подростки, социальные сети, последствия, психологическая профилактика

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE PERSONALITY OF CYBERBULLING PARTICIPANTS IN POPULAR SOCIAL NETWORKS

M. Mishina¹, K. Vorobyeva²

¹ *Moscow Region State University*

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Russian Federation

² *Russian State University for the Humanities*

15 Chayanova ul., Moscow 125993, Russian Federation

Abstract

The research is devoted to the insufficiently known Internet-phenomenon – cyber-bullying in social networks. Cyber-bullying is a new field of knowledge and science, that is why there is a lack of scientific terminological base.

Aim. To analyze the personal characteristics of cyber-bullying participants actively included in popular social networks.

Methodology. The research was performed in on-line format. The respondents were offered a survey and a psychodiagnostic examination in accordance with the tasks of the study. The empirical research included the methods of a survey and testing.

Results. The analysis of the features and transformations of the role structure of cyber-bullying in the network compared to the real-life bullying among users of popular social networks made it possible to reveal personal characteristics and behavioral strategies of its participants. Special attention should be paid to the “observers” of cyber-bullying: the more the respondent is an “observer” the more it is the possible for him to become the “initiator” of cyber-bullying (the moderate positive correlation between the scales “observer” and “initiator”). On the one hand, the previous experience of being an aggressor in the on-line context can become the factor which intensifies the negative behavior of observers. On the other hand, constant following the bullying in the net can result in the loss of sensitivity to other people’s feelings and may also result in fixing destructive forms of behavior owing to the feeling of impunity and anonymity in the on-line environment.

Research implications. The results of the analysis of role profiles can be used for timely diagnostics of risk groups and improve the work of psychological services and specialized sites for the prevention of cyber-bullying.

Keywords: cyber-bullying, adolescents, social networks, consequences, psychological prevention

Постановка проблемы

С учётом широкого проникновения в повседневную жизнь интернета тема кибербуллинга в социальных сетях становится всё более актуальной с разных точек зрения (имеет широкий общественный резонанс и исследуется социологами, педагогами, психологами).

Кибербуллингом занимаются люди разных возрастных групп: дети, подростки, взрослые. Для разных возрастных групп применяются разные термины, которые очень быстро получают распространение в средствах массовой информации и интернет-пространстве: «киберхарассмент», «киберсталкинг», «нецивилизованность онлайн», «кибернецивилизованность».

Наибольшее распространение из вышеперечисленных терминов получил термин «кибербуллинг», который мы рассматриваем в данной статье.

Исторически кибербуллинг можно обнаружить на площадках, популярных у

интернет-аудитории. С распространением интернета в начале 2000-х гг. он чаще всего проявлялся в сетевых чатах. После появления в России социальных сетей (с 2006 г. – «ВКонтакте», «Одноклассники»; с 2010 г. – «Инстаграм») [2; 4] они стали лидерами по количеству эпизодов кибертравли в онлайн-среде. Согласно исследованию 2019 г. феномен кибербуллинга чаще всего проявлялся в социальных сетях – в 40,3% случаев (на «ВКонтакте» приходится 20,3%, «Инстаграм» – 5,9%, «Фейсбук» – 4,4%).

Приведём немного статистики, отражающей масштаб проблемы кибербуллинга в современном транзитивном информационном обществе. По данным Mail.ru Group¹, на ноябрь 2019 г. с кибербуллингом сталкивались 58% опрошенных россиян, а 4% из них признались, что

¹ Исследование Mail.ru Group на тему кибербуллинга и отношения пользователей к этому явлению [Электронный ресурс]. URL: <https://kiberbulling.net/> (дата обращения: 15.04.2020).

выступили в роли инициаторов. 47% респондентов отметили, что встречались с агрессией чаще в виртуальной, нежели в реальной жизни.

Наиболее активными пользователями являются люди в возрасте 13–24 лет. Согласно различным опросам, 27% респондентов-подростков проводят в социальных сетях более 5 часов в день, а четверть из них проверяют обновления каждые полчаса [9, с. 40].

Проблема кибербуллинга заслуживает повышенного внимания исследователей из разных областей познания. Психологические последствия буллинга и кибербуллинга могут быть очень серьёзными, особенно для детей и подростков: рост уровня тревоги, стресс, нарушения сна, психосоматические расстройства, снижение школьной успеваемости, снижение самооценки и депрессия. Жертвы буллинга и кибербуллинга составляют группу риска по формированию поведенческих девиаций, в частности, склонности к суицидальному поведению [3, с. 38].

Своеобразие онлайн-пространства и применение электронных форм контакта в качестве инструментов осуществления агрессивных действий позволяют выделить ряд специфических особенностей, отличающих кибербуллинг от буллинга [7, с. 31]. В качестве основных можно выделить следующие:

- иллюзию анонимности для агрессора и его помощников, а также для активных свидетелей;
- непредсказуемость совершаемых агрессивных действий в связи с неограниченным и повсеместным доступом в онлайн и одновременным использованием широкого спектра электронных форм контакта;
- «круглосуточность – 24/7» кибербуллинга в силу отсутствия временных и пространственных ограничений;
- достаточность совершения всего лишь одного агрессивного акта для достижения эффекта систематической травли;

- значительное увеличение аудитории свидетелей, которой агрессор может произвольно управлять;

- изолированность свидетелей друг от друга и от жертвы, что частично воспроизводит и придаёт свою специфику известному в психологии «эффекту свидетеля», определяющему одиночное противостояние жертвы агрессивным действиям со стороны обидчика;

- стимулирование механизма инверсии в ролевой структуре – агрессор становится жертвой, а жертва – искусным агрессором, свидетели могут стать как жертвами, так и агрессорами; неравенство сил в онлайн-пространстве, определяющееся различиями в уровне развития цифровой компетентности участников ситуации.

Широкая распространённость вовлечённости населения по всему миру в социальные сети, как среды проявления кибербуллинга обуславливает императив соответствующих исследований [6; 8; 10; 11]. Изучение кибербуллинга является крайне актуальным в связи с непрерывным развитием информационно-коммуникационных технологий и требует дальнейшего раскрытия в динамике и развитии.

Объект исследования: личностные особенности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях.

Предмет исследования: связь уровня тревожности участников со спецификой проявления кибербуллинга.

Цель исследования: проанализировать личностные особенности участников кибербуллинга, активно включённых в популярные социальные сети.

Гипотезы исследования:

1. У инициаторов кибербуллинга в большей мере выражены гнев и физическая агрессия по сравнению с другими позициями в ситуации травли, например, жертвами и наблюдателями.

2. У людей, подвергавшихся кибербуллингу, будет наблюдаться повышенный уровень тревожности, сопровожда-

ющийся негативными переживаниями, такими как страх, унижение, разрушение самооценки, потеря чувства защищённости и безопасности.

3. Агрессивное поведение кибербуллеров взаимосвязано с личностными особенностями жертв кибербуллинга, такими как высокий уровень тревоги и низкий социометрический статус.

Методы исследования:

Метод анкетирования (авторская анкета по выявлению ролевой позиции в структуре кибербуллинга); метод тестирования: личностная шкала проявлений тревоги Тейлора; методика на выявление «Буллинг структуры» Е. Г. Норкиной; опросник уровня агрессивности Басса-Перри.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы Microsoft Excel и SPSS Statistics 21.0. Статистическим критерием проверки результатов диагностики являлся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Эмпирическую базу исследования составили 91 пользователь социальных сетей от 13 до 45 лет, из которых 12% (12 человек) мужчины и 88% (79 человек) женщины.

Респонденты были разделены на 2 группы: респонденты из малых городов (46,15%) (43 человека) и респонденты из

крупных городов (53,85%) (48 человек). Каждый из них проводит в социальных сетях больше 3-х часов в день, преимущественно в «Инстаграме», «ВКонтакте» и «Телеграме».

Результаты исследования

Результаты опроса, проведённого по авторской анкете с целью выявления ролевой позиции в структуре кибербуллинга, позволили определить средние значения основных позиций, в которых находятся респонденты нашего исследования в ситуации кибербуллинга.

Полученные результаты показывают, что большинство респондентов относят себя к группе «свидетелей» в ситуации кибербуллинга ($n = 69$), нежели считают себя «пострадавшими» ($n = 24$) или «агрессорами» ($n = 7$).

Для анализа корреляционных связей между различными показателями используемых методик был применён непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Анализ корреляционных связей между шкалами методики «Личностная шкала проявлений тревоги Тейлора» и выявленными ролевыми позициями у респондентов в структуре кибербуллинга с помощью авторской анкеты позволил выявить следующие связи (рис. 1).

Рис. 1 / Fig. 1. Значимые корреляции между показателями ролевой позиции в кибербуллинге и проявлением тревоги (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченная корреляция значима на уровне $p < 0,01^{**}$) / Significant correlations between indicators of role position in cyberbullying and manifestation of anxiety (Spearman's rank correlation criterion, the noted correlation is significant at $p < 0.01^{**}$)

Важно отметить следующую сильную отрицательную корреляционную связь между шкалами «пострадавший» и

«ложь». Другие корреляции между шкалами вышеуказанных методик отсутствуют.

Анализ корреляционных связей между показателями авторской анкеты по выявлению ролевой позиции в кибербул-

линге и методики на выявление «Буллинг структуры» Е. Г. Норкиной. Полученные результаты представлены на рисунке 2.

Рис. 2 / Fig. 2. Значимые корреляции между показателями ролевых позиций в кибербуллинге и буллинге (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,01^{**}$ и $p < 0,05^{*}$) / Significant correlations between indicators of role positions in cyberbullying and bullying (Spearman's rank correlation criterion, the noted correlations are significant at the level of $p < 0.01^{**}$ and $p < 0.05^{*}$)

Следует отметить следующие две корреляционные связи, которые были выявлены в результате анализа:

1) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «агрессор» и «защитник».

2) Умеренная положительная корреляция между шкалами «свидетель» и «инициатор».

Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Опросник уровня агрессивности Басса-Перри» и «Личностная шкала проявлений тревоги Тейлора». Полученные данные представлены на рисунке 3.

Необходимо отметить следующие корреляционные связи.

1) Умеренная отрицательная корреляция между шкалами «физическая агрессия» и «ложь».

2) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «гнев» и «ложь».

3) Умеренная отрицательная корреляция между шкалами «враждебность» и «ложь».

4) Умеренная положительная корреляция между шкалами «физическая агрессия» и «тревога».

5) Умеренная положительная корреляция между шкалами «гнев» и «тревога».

6) Умеренная положительная корреляция между шкалами «враждебность» и «тревога».

Средние значения шкал «Инициатор», «Жертва» и «Наблюдатель» практически совпадают у двух групп респондентов, проживающих в крупных или малых городах.

Анализ корреляционных связей между шкалами методики «Опросник уровня агрессивности Басса-Перри» и методики на выявление «Буллинг структуры» Е. Г. Норкиной. Полученные результаты представлены на рисунке 4.

Проанализировав корреляционные связи между показателями методики «Опросник уровня агрессивности Басса-Перри» и методики на выявление «Буллинг структуры» Е. Г. Норкиной, мы выявили 6 значимых корреляционных связей.

Рис. 3 / Fig. 3. Значимые корреляции между показателями физической агрессии, гнева и враждебности и проявлением тревоги (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,01^{**}$ и $p < 0,05^*$) / Significant correlations between indicators of physical aggression, anger and hostility and manifestation of anxiety (Spearman's rank correlation criterion, the noted correlations are significant at the level of $p < 0,01^{**}$ and $p < 0,05^*$)

Рис. 4 / Fig. 4. Значимые корреляции между показателями физической агрессии, гнева, враждебности и структурными компонентами буллинга (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,01^{**}$ и $p < 0,05^*$) / Significant correlations between indicators of physical aggression, anger, hostility and the structural components of bullying (Spearman's rank correlation criterion, the noted correlations are significant at the level $p < 0,01^{**}$ and $p < 0,05^*$)

1) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «гнев» и «защитник».

2) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «враждебность» и «защитник».

3) Сильная положительная корреляция между шкалами «физическая агрессия» и «насилие в коллективе».

4) Умеренная положительная корреляция между шкалами «враждебность» и «жертва».

5) Умеренная положительная корреляция между шкалами «гнев» и «насилие в коллективе».

6) Умеренная положительная корреляция между шкалами «враждебность» и «насилие в коллективе».

Проанализировав данные корреляционные связи, мы отмечаем рост тревоги у жертв кибербуллинга среди респондентов, а анализ корреляционной связи между методиками Тейлора и Е. Г. Норкиной показал, что тревога имеет сильную по-

ложительную связь, а это означает, что чем больше человек оказывается в позиции «жертвы», тем выше у него уровень тревоги, что подтверждает вторую гипотезу нашего исследования.

Анализ корреляционных связей между показателями методики «Личностная шкала проявлений тревоги Тейлора» и методики на выявление «Буллинг структуры» Е. Г. Норкиной.

Полученные результаты анализа корреляционных связей показателей проявлений личностной тревоги и позиции участников в структуре буллинга представлены на рисунке 5.

Далее необходимо отразить полученные пять корреляционных связей показателей проявлений личностной тревоги и позиций, занимаемых участниками в структуре буллинга.

1) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «тревога» и «защитник».

Рис. 5 / Fig. 5. Значимые корреляции между показателями тревоги и структурными компонентами буллинга (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,01^{**}$ и $p < 0,05^{*}$) / Significant correlations between indicators of anxiety and structural components of bullying (Spearman's rank correlation test, the noted correlations are significant at $p < 0.01^{**}$ and $p < 0.05^{*}$)

2) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «тревога» и «жертва».

3) Умеренная отрицательная корреляция между шкалами «тревога» и «инициатор».

4) Умеренная положительная корреляция между шкалами «ложь» и «защитник».

5) Умеренная положительная корреляция между шкалами «тревога» и «насилие в коллективе».

Далее мы приводим результаты сравнительного анализа ролевой позиции в структуре кибербуллинга в крупных и малых городах.

Исходя из поставленных цели и задач исследования, наша выборка была разделена на две подгруппы:

1) Респонденты-пользователи популярных социальных сетей, проживающие в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Челябинск, Уфа, Самара, Торонто, Минск, Казань, Великий Новгород, Нижний Новгород) – 47 человек.

2) Респонденты-пользователи популярных социальных сетей, проживающие в малых городах (Балашиха, Падун, Хабаровск, Ханты-Мансийск, Новый Уренгой, Нефтеюганск, Солигорск, Сургут, Тюмень, Видное, Хилок, Канаш, Волгоград, Севастополь, Полтава, Тула, Мончегорск, Каспийск, Владивосток, Тольятти, Харьков, Сыктывкар, Бишкек, Запорожье, Скопин) – 44 человека.

Для сравнения показателей двух подгрупп респондентов были использованы t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна-Уитни.

Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Из проведённого анализа данных можно заключить, что различия по t-критерию Стьюдента присутствуют в показателях «Пострадавший», «Свидетель», «Физическая агрессия», «Гнев», «Враждебность», «Тревога», «Ложь», «Инициатор», «Помощник», «Жертва», «Наблюдатель» и «Насилие в

Таблица 1 / Table 1

Результаты сравнительного анализа показателей у пользователей популярных социальных сетей из крупных и малых городов / Results of comparative analysis of indicators among users popular social networks from cities and towns

Показатель	Группа № 1 (ср. знач.) Люди, проживающие в крупных городах N=49	Группа № 2 (ср. знач.) Люди, проживающие в малых городах N=42	t	u
Агрессор	0,102041	0,02381	1,572	948,5
Пострадавший	0,204082	0,214286	-0,118	1018,5
Свидетель	0,693878	0,666667	0,275	1001
Физическая агрессия	19,36735	22,45238	-2,326	744,5
Гнев	22,73469	21,11905	-1,169	857
Враждебность	17,79592	20,07143	-1,373	876,5
Тревога	23,73469	21,66667	1,149	900
Ложь	3,857143	3,714286	0,436	170
Инициатор	6,183673	6,142857	0,089	1019,5
Помощник	3,612245	3,833333	-0,625	930,5
Защитник	10,59184	11,09524	-0,884	869,5
Жертва	5,959184	5,97619	-0,043	990,5
Наблюдатель	3,428571	3,761905	-1,169	904,5
Насилие в коллективе	0,591837	0,952381	-1,965	829,5

коллективе» и значимы на уровне $p \geq 0,01$. Различия по U-критерию Манна-Уитни присутствуют в показателях «Физическая агрессия» и «Ложь» и значимы на уровне $p \leq 0,05$.

Таким образом, различия показателей «Агрессор» и «Защитник» в подгруппах респондентов носят разнонаправленный характер: у респондентов, которые проживают в крупных городах, в большей степени выражена склонность к проявлению позиции «агрессора», а у респондентов, которые проживают в малых городах, более выражена позиция «защитника».

Результаты авторской анкеты по выявлению ролевой позиции в структуре кибербуллинга у пользователей популярных социальных сетей в крупных и малых городах могут свидетельствовать о том, что большинство респондентов относят себя к группе «свидетелей» кибербуллинга ($n = 34$ в крупных городах; $n = 31$ в малых городах), нежели считают себя «жертвами» ($n = 8$ в крупных городах; $n = 9$ в малых городах) или «агрессорами» ($n = 5$ в крупных городах; $n = 4$). Особое внимание можно уделить результатам, которые говорят о том, что к группе «агрессоров» относятся всего 5 и 4 соответственно респондентов из крупных и малых городов. Этот результат является самым низким значением не только по данной методике диагностики, но и среди всех методик и опросников, которые были проведены на обеих группах респондентов из больших и малых городов.

Выводы

Проведя подробный анализ полученных результатов, мы можем сделать следующие выводы.

1) Преимущественно в группе респондентов преобладает гнев. Большинство пользователей популярных социальных сетей предпочитают проявлять склонность к повышенной раздражительности (эмоциональный компонент поведения) и негативные эмоции во взаимодействии с другими пользователями в сети. Гнев

выступает как успокаивающее средство: в момент раздражения в кровь поступает гормон надпочечников норадреналин, который отчасти работает как анестетик (например, помогает нам переживать болевой шок, воздействуя на кровеносные сосуды). Когда мы испытываем мучительные чувства, такие как вина или горе, человек может ощущать злость, чтобы защитить себя от потрясений. После вспышки возмущения неизбежно наступает период расслабления.

2) В группе респондентов также выражена физическая агрессия как поведенческий компонент. Агрессоры, как правило, рассчитывая на анонимность, не предполагают какой-либо ответственности за свои действия. Такое поведение в области современной психологии получило название «феномен социального растормаживания (disinhibition)», когда люди, не опасаясь потенциального наказания и неодобрения, позволяют себе гораздо больше, чем привыкли в обычной жизни, где они несут ответственность за свои поступки и высказывания.

3) Меньше всего в данной группе респондентов выражена враждебность, когнитивный компонент, который включает в себя подозрительность и обидчивость. Виртуальное общение стирает допустимые границы этических стандартов взаимодействия, и тогда для некоторых людей оскорбления, хамство и жестокость становятся нормой.

4) Большинство представителей популярных социальных сетей имеют средний уровень тревожности с тенденцией к высокому, а наличие высокой тревожности обуславливает потенциальную склонность к агрессии и интернет-зависимости у активных пользователей сети.

5) Среди респондентов было выявлено больше всего защитников, которые заступаются за жертв кибербуллинга, давая отпор обидчикам.

6) Сравнительный анализ результатов респондентов из крупных и малых городов позволил сделать вывод, что показа-

тель наличия склонности к проявлению насилия в коллективе больше распространён у респондентов из малых городов. Можно предположить, что пользователи, проживающие в малых городах, будут больше склонны к буллингу в реальной жизни, по сравнению с пользователями, проживающих в крупных городах.

Заключение

Анализ корреляционных связей между показателями (сильная отрицательная корреляция между шкалами «пострадавший» и «ложь») позволил сделать оптимистичное заключение о том, что чем больше респондент является «жертвой» в социальных сетях, тем меньше он будет скрывать этот факт от близких людей. Тем самым жертва кибербуллинга защищает себя от негативных последствий травли и потенциальных суицидальных мыслей из-за потери чувства психологической безопасности и отсутствия социальной поддержки в онлайн-пространстве. Пользователи социальных сетей обладают значительным репертуаром копинг-стратегий и наиболее часто используют блокировку или дистанцирование от ресурса, где произошла враждебная ситуация, а также обращение к друзьям за помощью [5, с. 25].

С другой стороны, сильная отрицательная корреляция между шкалами «агрессор» и «защитник» свидетельствует о том, что чем больше человек проявляет агрессивные действия в отношении другого человека, тем меньше он будет склонен к позиции «защитника» других пользователей социальных сетей. «Агрессор» в отличие от «защитника» имеет сниженную чувствительность по отношению к страданиям других, в целом более низкий уровень эмпатии, самоконтроля, высокий уровень импульсивности, направленной на достижение определённой цели, оправдание жестокого поведения [15, p. 555].

Особенное внимание заслуживают «свидетели» кибернасилия: чем больше

респондент является «свидетелем», тем больше вероятность у него стать «инициатором» кибербуллинга (умеренная положительная корреляция между шкалами «свидетель» и «инициатор»). С одной стороны, прошлый опыт в роли агрессора в онлайн-контексте может быть тем фактором, который усиливает негативное поведение свидетелей [13, p. 184], с другой стороны, постоянное наблюдение за травлей в онлайн-сети может привести к потере чувствительности, т. е. десенсибилизации в отношении чувств других людей, а также к закреплению деструктивных форм поведения за счёт осознания безнаказанности и анонимности в онлайн-среде.

Для пользователей популярных социальных сетей оказывается предпочтительнее роль активного кибербуллера, чем защитника или пассивного наблюдателя. Киберагрессоров закономерно отличают высокий уровень интернет-активности и использования мессенджеров для обмена сообщениями, обладание более высокими экспертными знаниями в области интернет-технологий, а также у них наблюдается более проблемное поведение в реальной жизни [16, p. 1309].

У «жертв» и «кибербуллеров» уровень тревоги примерно идентичен. Это можно объяснить тем, что интернет-среда создаёт благодатную почву для инверсии ролей – нередко те, кто травят других онлайн, сами становятся жертвами травли, – и наоборот. Интернет-пространство имеет высокую проницаемость границ между ролями киберагрессоров и кибержертв, тем самым трансформируя их и повышая уровень тревоги [12, p. 402].

Закономерным является вывод, что чем больше человек склонен проявлять физическую агрессию, тем выше у него уровень тревоги. Агрессивность и тревога сопровождаются снижением приспособленности человека к основным сферам жизни, в первую очередь, это отражается на снижении его социально-компетентного потенциала.

Заслуживающим особое внимание, на наш взгляд, является вывод, что чем больше респонденты проявляют физическую агрессию, тем меньше они склонны скрывать этот факт. Следовательно, «агрессор» становится безразличным к чувствам «жертв» и не боится ответственности за последствия своего агрессивного поведения.

Результаты исследования личностных особенностей участников кибербуллинга, активно включённых в популярные социальные сети, восполняют пробел в изучении социально-психологических эффектов воздействия кибербуллинга в известных социальных сетях, позволяют прогнозировать его последствия как угрозы психическому здоровью для безопасности личности в сети.

Анализ результатов может способствовать повышению эффективности существующих схем профилактики кибербуллинга как среди подростков, так и среди взрослых в популярных социальных сетях. Изучение личностных особенностей участников кибербуллинга позволит снизить онлайн-риски и повысить цифровую компетентность специалистов, подростков и их родителей.

Перспектива исследования

В дальнейшем мы будем разрабатывать тему психологии интернета, изучая индивидуально-психологические особенности пользователей популярных социальных сетей. Знание особенностей каждой роли и сопутствующих её исполнению психологических характеристик в каждой конкретной онлайн-ситуации позволит максимально эффективно справляться с кибербуллингом. Результаты анализа ролевых профилей могут быть использованы для своевременной диагностики групп риска.

В этом контексте особое внимание привлекает феномен девиантного поведения, в частности, цифрового самоповреждения, которое является одним из недавно выявленных видов неадаптивно-

го онлайн-поведения. Цифровое самоповреждение – это «анонимное размещение в интернете, отправка или иное распространение причиняющего себе вред контента» [14, р. 761]. При осуществлении цифрового самоповреждения один и тот же субъект может одновременно исполнять роли и жертвы, и агрессора.

Полученные данные можно использоваться в целях усовершенствования работы психологических служб и специализированных сайтов для профилактики кибербуллинга в транзитивном обществе молодого цифрового поколения.

Советы психолога тем, кто стал жертвой кибертравли

- Не стесняйтесь обратиться за помощью к людям, которым вы доверяете (ко взрослым, если Вы ребёнок).
- Не следует удалять оскорбительные сообщения. Вы можете не читать, но сохранить их в качестве доказательства травли.
- Не стоит отвечать на оскорбления. Ваши раздражённые ответы возбуждают агрессоров ещё больше и дают им чувство значимости и влияния. Помните: агрессия порождает агрессию.
- Заблокируйте отправителя оскорбительных сообщений.
- Сообщите о проблеме администрации сайта или модератору группы (чата и т. д.).
- Вы не можете контролировать действия тех, кто Вас травит, но Вы можете контролировать свою реакцию. Если они смогут вывести Вас из себя, они победили.

Нужно быть юридически грамотными, уметь себя защищать и знать, что закон на Вашей стороне. Обидчик не останется безнаказанным. Приводим статьи закона РФ, на которые можно ссылаться при атаках и травле в интернет-пространстве:

152.1. статья ГК РФ – Охрана изображения гражданина. Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения

изобразительного искусства, в которых он изображён) допускаются только с согласия этого гражданина. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей.

163 статья УК РФ – Вымогательство, шантаж. Согласно 163 статье УК РФ, вымогательством считаются действия имущественного характера – требование передачи права на чужое имущество (самого имущества) под угрозой: применения насилия (как неопасного, так и опасного для жизни и здоровья); распространения сведений, которые могут причинить значительный вред интересам и правам потерпевшего или его близких; повреждения или уничтожения чужого имущества.

117 статья УК РФ – Истязание. К данному понятию относят информационное воздействие на психику: оскорбление, травлю, угрозы, если при этом прослеживается умысел обвиняемого на причинение потерпевшему психических страданий. Действия могут носить как регулярный, так и несистематический характер.

110 статья УК РФ – Доведение до самоубийства. Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Психологические рекомендации родителям и педагогам

Родители и педагоги должны повышать уровень цифровой компетентности как важнейшего навыка XXI в., обеспечивающего не только эффективность использования интернета, но и его безопасность [1, с. 68].

- Цифровую грамотность следует преподавать отдельным предметом (факультативом) в школьной программе, целью которой являлось бы обучение способам совладания с онлайн-рисками, в первую очередь киберагрессией.

- Необходимо разрабатывать специфические образовательные программы по повышению цифровой компетентности с опережающим эффектом и возможностями быстрой трансформации с учётом темпов развития новых технологий. Эффективность использования ИКТ в учебно-образовательном процессе предполагает высокий уровень цифровой компетентности у всех участников образовательного процесса.

- Родители и педагоги должны обучать активным и пассивным стратегиям совладания с кибербуллингом, таким как поиск социальной поддержки, дистанцирование и др.

- Родители создают правила и ограничения использования интернетом. Чрезмерное использование интернета следует рассматривать как отдельную онлайн-угрозу и чрезмерную информационную «нагрузку». Родители переживают достаточно обоснованные страхи, связанные с онлайн-рисками и их последствиями, например, дети могут стать жертвами сексуальных домогательств или жертвами киберагрессии в онлайн, страдают их социализация, дружба в реальном мире, они оставляют избыточную информацию о себе, режим медиа-многозначности оказывает негативное воздействие на их психику и познавательную деятельность.

- Родители должны постоянно проверять сайты, которые посещают их дети, его контакты, профили. Родители могут использовать технические ограничения в виде специальных программ, которые блокируют и фильтруют сайты или устанавливают ограничения во времени пользования интернет-ресурсами.

Общение на равных с продвинутыми в области интернет-технологий детьми и подростками возможно при условии владения достаточными «цифровыми» знаниями и умениями у родителей и педагогов, способных обеспечить безопасное использование интернет-ресурсов.

Статья поступила в редакцию 25.06.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г., Семенов А. Л., Уваров А. Ю. Российская школа и новые информационные технологии: взгляд в следующее десятилетие. М., 2010. 84 с.
2. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 177–191.
3. Воробьева К. А. Воздействие демонстрации в СМИ сцен насилия на развитие личности подростков // Воспитание школьников. 2019. №8. С. 37–43.
4. Зинцова А. С. Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 122–128.
5. Кривцова С. В., Белевич А. А., Шапкина А. Н. Школьный буллинг: об опыте исследований распространённости буллинга в школах Германии, Австрии, России // Образовательная политика. 2016. Т. 3. № 73. С. 2–25.
6. Мишина М. М., Мурсалыева Г. М. Сравнительный анализ формирования типов этнической идентичности подростков разных культурных сред // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 1. С. 84–94. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-84-93
7. Солдатова Г. У., Ярмина А. Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 17–31.
8. Федунина Н. Ю. Представления о триаде «Преследователь – жертва – наблюдатель» в кибербуллинге в англоязычной литературе [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 41. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n41/1143-fedunina41> (дата обращения: 10.06.2020).
9. Шумакова Е. В. Воспитательное пространство социальных сетей интернета // Профессиональное образование. Столица. 2011. № 6. С. 39–40.
10. Barlinska J., Szuster A., Winiewski M. Cyberbullying among adolescent bystanders: Role of the communication medium, form of violence, and empathy [Электронный ресурс] // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2013. № 23. URL: <https://doi.org/10.1002/casp.2137> (дата обращения: 22.06.2019).
11. Cassidi W., Jackson M. Sticks and stones can break my bones, but how can pixelshurt me? // School Psychology International. 2009. № 30. P. 83–402.
12. Deciding whether to look after them, to like it, or leave it: A multidimensional analysis of predictors of positive and negative bystander behavior in cyberbullying among adolescents / A. DeSmet, S. Bastiaensens, K. Van Cleemput, K. Poels, H. Vandebosch, G. Cardon, I. De Bourdeaudhuij // Computers in Human Behavior. 2016. № 57. P. 398–415. DOI: 10.1016/j.chb.2015.12.051.
13. Edeberg G., Thorvaldsen S., Ronning J. A. The Impact of cyberbullying and cyber harassment on academic achievements // Digital Expectations and Experiences in Education. 2016. P. 183–204.
14. Patchin J. W., Hinduja S. Digital self-harm among adolescents // Journal of Adolescent Health. 2017. № 61(6). Pp. 761–766. DOI: 10.1016/j.jadohealth. 2017.06.012.
15. Sari S. V. Was it just joke? Cyberbullying perpetrations and their styles of humor. // Computers in Human Behavior. 2016. № 54. Pp. 555–559. DOI: 10.1016/j.chb.2015.08.053
16. Ybarra M. L., Mitchell K. J. Online aggressor/targets, aggressors, and targets: A comparison of associated youth characteristics // Journal of child Psychology and Psychiatry. 2004. № 45 (7). P. 1308–1316. DOI: 10.1111/ j.1469-7610.2004.00328.

REFERENCES

1. Asmolov A. G., Semenov A. L., Uvarov A. Yu. Rossiiskaya shkola i novye informatsionnye tekhnologii: vzglyad v sleduyushchee desyatiletie [Russian school and new information technologies: a look into the next decade]. Moscow, 2010. 84 p.
2. Bochaver A. A., Khlomov K. D. [Cyberbullying: bullying in the space of modern technologies]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, vol. 11, no. 3, pp. 177–191.
3. Vorob'eva K. A. [Impact of media exposure of violent scenes on adolescent personality development]. In: *Vospitanie shkol'nikov* [Education of schoolchildren], 2019, no. 8, pp. 37–43.

4. Zintsova A. S. [Social prevention of cyber-bullying]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Sotsial'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Social Sciences], 2014, no. 3 (35), pp. 122–128.
5. Krivtsova S. V., Belevich A. A., Shapkina A. N. [School bullying: on the experience of researching the prevalence of bullying in schools in Germany, Austria, Russia]. In: *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy], 2016, vol. 3, no. 73, pp. 2–25.
6. Mishina M. M., Mursalyeva G. M. [Comparative analysis of the formation of types of ethnic identity in adolescents from different cultural environments]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 1, pp. 84–94. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-84-93
7. Soldatova G. U., Yarmina A. N. [Cyber-bullying: features, role structure, parent-child relationships and strategies]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2019, no. 3 (35), pp. 17–31.
8. Fedunina N. Yu. [Ideas about the triad “Persecutor – victim – observer” in cyber-bullying in the English language literature]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2015, vol. 8, no. 41. Available at: <http://psystudy.ru/num/2015v8n41/1143-fedunina41> (accessed: 06.10.2020).
9. Shumakova E. V. [Educational space of the Internet social networks]. In: *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa* [Professional education. Capital-city], 2011, no. 6, pp. 39–40.
10. Barlinska J., Szuster A., Winiewski M. Cyber-bullying among adolescent bystanders: Role of the communication medium, form of violence, and empathy. In: *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2013, no. 23. Available at: <https://doi.org/10.1002/casp.2137> (accessed: 22.06.2019).
11. Cassidi W., Jackson M. Sticks and stones can break my bones, but how can pixelshurt me? In: *School Psychology International*, 2009, no. 30, pp. 83–402.
12. DeSmet A., Bastiaenssens S., Van Cleemput K., Poels K., Vandebosch H., Cardon G., De Bourdeaudhuij I. Deciding whether to look after them, to like it, or leave it: A multidimensional analysis of predictors of positive and negative bystander behavior in cyberbullying among adolescents. In: *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 57, pp. 398–415. DOI: 10.1016/j.chb.2015.12.051.
13. Edeberg G., Thorvaldsen S., Ronning J. A. The Impact of cyberbullying and cyber harassment on academic achievements. In: *Digital Expectations and Experiences in Education*, 2016, pp. 183–204.
14. Patchin J. W., Hinduja S. Digital self-harm among adolescents. In: *Journal of Adolescent Health*, 2017, no. 61 (6), pp. 761–766. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2017.06.012.
15. Sari S. V. Was it just joke? Cyberbullying perpetrations and their styles of humor. In: *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 54, pp. 555–559. DOI: 10.1016/j.chb.2015.08.053
16. Ybarra M. L., Mitchell K. J. Online aggressor/targets, aggressors, and targets: A comparison of associated youth characteristics. In: *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2004, no. 45 (7), pp. 1308–1316. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2004.00328.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мишина Марина Михайловна – доктор психологических наук, профессор общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: mishinamm@yandex.ru

Воробьева Ксения Андреевна – доцент кафедры психологии личности Российского государственного гуманитарного университета, Института психологии им. Л. С. Выготского;
e-mail: kseniaprivavera@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina M. Mishina – Doctor of Psychology; Professor of General and Educational Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: mishinamm@yandex.ru

Ksenia A. Vorobyeva – Assoc. Prof., the Department of Personality Psychology, Russian State University for the Humanities, Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky;
e-mail: kseniaprivavera@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мишина М. М., Воробьева К. А. Психологические особенности личности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 29–43.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-29-43

FOR CITATION

Mishina M. M., Vorobyeva K. A. Psychological peculiarities of the personality of cyber-bulling participants in popular social networks. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 29–43.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-29-43